

все комсомольцы ответили клятвой сражаться до последнего, бить немецких оккупантов до тех пор, пока они не оставят наши земли.— Но каждое обещание нужно подкреплять практическим делом, нужно не только уметь обещать, но и уметь выполнять свои обещания. Без этого комсомолец не может быть комсомольцем.— Так говорил Алексеев всем комсомольцам своей организации и для того, чтобы показать это на

Секретарь бюро ВЛКСМ, младший политрук
В. Алексеев.

деле, решил предпринять вылазку к немцам. Ранним утром секретарь бюро ВЛКСМ Виктор Алексеев взял снайперскую винтовку и скрылся в лесу. Маскируясь за складками местности, Алексеев подполз к немецким окопам на 75 метров и принялся ждать. Через некоторое время Алексеев уви-

дел, как из блиндажа вышел немецкий солдат и принялся чистить котелок. Прицелившись, Алексеев выстрелил. Фашист упал, сраженный насмерть. К нему подбежали три солдата и захотели поднять труп, но все они разделили участь первого. В стане немцев началась паника, солдаты забегали, засуетились. Воспользовавшись этим, Алексеев благополучно отполз и вскоре вернулся к своим.

Пример секретаря воодушевил многих. Красноармеец-снайпер Труханов через несколько дней выполз за передний край обороны и уничтожил трех фашистов, Шамиль Гусейнов вышел со своей неразлучной снайперской винтовкой и снял минометный расчет, красноармейцы Корпачев, Яковлев и другие быстро овладевали искусством меткой стрельбы.

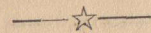
В другой раз, когда был получен приказ о наступлении, Алексеев на коротке собрал своих секретарей президиумов и велел им разъяснить всем комсомольцам предстоящую задачу и предупредить, что несоюзная молодежь будет брать пример с комсомольцев.

Сам Алексеев пошел в подразделение лейтенанта Лопатина.

Прошло несколько минут, раздался сигнал о начале действий. Все рванулись вперед. Секретарь бюро ВЛКСМ Виктор Алексеев, не обращая внимания на пулеметный и минометный огонь быстро продвигался к немецким блиндажам, увлекая за собой бойцов. Впереди всех он ворвался в немецкие окопы и с криком:— Кировцы, за мной на врага! — принялся уничтожать фашистов. В это время ранили лейтенанта Лопатина, а в скором времени и комиссара роты, тогда Алексеев принял командование на себя и продолжал дальше теснить врага.

В этом бою комсомольцы, воодушевленные примером своего руководителя показали образцы храбрости. Они первыми врываются во вражеские окопы и блиндажи, уничтожали и теснили немецких захватчиков, увлекали за собой несоюзную молодежь.

Так работал и сражался Виктор Алексеев, секретарь бюро ВЛКСМ, руководитель и вожак славной молодежи одного из подразделений Кировской части.

УДАРОМ ПРИКЛАДА

Уже несколько часов подряд длился бой под деревней Воробьи. Кировцы сильными ударами вышибали немцев из окопов и гнали их назад, но немцы то и дело переходили в контратаки. Благодаря численному превосходству сил, немцы остановили кировцев, но отогнать обратно не могли. Тогда фашисты пустили в ход танки.

На участке, где вело бой подразделение под командованием лейтенанта Лопатина вдруг появился вражеский танк, отмеченный белыми паучьими лапами свастики. Он нахально лез вперед, подминая под себя тонкие березки, перелезая на своих широких гусеницах с бугра на бугор. Танк открыл ураганный огонь по кировцам. Казалось, что никакая сила не сможет его остановить, что он всех перебьет и раздавит своими гусеницами. Но так казалось лишь одну минуту, ибо во вторую минуту все увидели как красноармеец Файсханов, плотно прижимаясь к земле пополз в тыл танку.

— Что он хочет сделать?— подумали бойцы,— ведь у него кроме винтовки ничего нет. Но оказалось, что мужественному, готовому на самоотверженные поступки бойцу, не страшен танк даже тогда, когда в руках у него кроме винтовки ничего не было.

Изловчившись, Файсханов вскочил на грозную вражескую машину. Здесь он себя почувствовал в безопасности. Выбрав удобную позицию для выполнения задуманного плана, он принялся ждать. А танк продолжал медленно продвигаться вперед, осыпая кировцев короткими очередями из пулемета. Вдруг люк приподнялся и наружу высунулась голова фашистского офицера. С быстротой молнии Файсханов нанес ему сильный удар прикладом. С расколотой пополам головой фашистский офицер провалился обратно в танк. Пулеметный обстрел прекратился. Танк повернул обратно, унося с собой труп офицера.

Кировцы, воодушевленные самоотверженным поступком комсомольца,—ринулись с новой силой вперед, далеко отеснив фашистов.

КОМСОМОЛЕЦ ИЗ СТОЛИЦЫ

Это было еще тогда, когда немецкое командование начало свое генеральное наступление на Москву. Фашистские орды, подогретые обещаниями Гитлера о скорой победе, рвались к советской столице.

В эти грозные для страны дни тысячи комсомольцев столицы уходили добровольцами на фронт. Все они хотели сружиться в руках защищать свою Москву от нашествия средневековых мракобесов, убийц женщин и детей.

Среди патриотов — комсомольцев находился и Гриша Борисов. Ему было только шестнадцать лет и Гришу потому не хотели взять в армию.

— Молод еще,— говорили в военкомате,— подожди годик, тогда посмотрим.

— Так я ведь уже не молодой, я даже недавно паспорт получил,— просил Гриша начальника. Он упрашивал долго, доказывал, что защитить столицу его долг, его обязанность — и начальник согласился отправить Борисова на фронт.

Так пришел комсомолец Борисов в нашу часть, а через два дня вместе с подразделением молодой боец принимал участие в бою.

Перед боем бойцы и командиры с удовлетворением смотрели как Борисов заботливо протирал винтовку и укладывал в сумку гранаты. Его молодое лицо вспотело от напряжения, из-под шапки, сдвинутой на затылок, проглядывал задорный, коротко стриженный хохолок. Он сопел, кряхтел, стараясь заставить металлические части винтовки принять зеркальный вид; гранаты он брал с большой осторожностью, хотя знал, что они не заряжены, долго отыскивал место, куда можно было бы спрятать запалы, потом завернул их в тряпочку и положил в карман.

— Так легче достать будет,— сказал про себя Гриша,— гранату смогу быстрее бросить в немцев.

Подразделение пошло в наступление. Бой шел жаркий. Снаряды с каким-то воем пронеслись над головой, свистели непрерывно пули, да мины, разрываясь, подымали снежные метели. Сначала Грише было страшно. Ему казалось, что каждая пуля обязательно вопьется в его тело, каждый снаряд разорвется под его ногами.

каждая мина несет ему смерть. Он все время пригибался, падал в снег, но потом, когда грянуло могучее кировское «ура» и все бойцы бросились вперед.— Гриша ожил. Он забыл недавний страх, забыл, что первый раз находится в бою, забыл, что ему всего лишь шестнадцать лет. Он начал замечать окружающих, увидел горящие глаза кировцев, и глаза молодого комсомольца тоже загорелись, он выпрямился, как отпущенная пружина и бросился вперед. Опыненный боем, Гриша все же заметил, что за пригорком строчил фашистский пулемет.— Туда, задушить, прекратить противный говор немецкого пулемета,— подумал Борисов и направился к бугру. Он сходу произвел несколько выстрелов, и пулемет замолк.— Почему?— опять подумал Гриша,— почему он замолчал. Неужели фашистские вояки бросили пулемет и убежали?— Но подбежав, он убедился, что так оно и было. За бугром стоял молчащий теперь немецкий станковый пулемет, возле него лежали коробки с лентами, а поодаль валялся труп фашистского пулеметчика. Недолго думая, Борисов повернул пулемет в сторону немцев, заложил новую ленту и принялся строчить. Теперь уже быстрый говор пулемета не казался противным. Григорий Борисов расстреливал вражеских солдат, заставлял их ложиться, прикрывал своим огнем наступающих товарищей.

Когда бой кончился, к нему подошел командир и похвалил:

— Молодец, Борисов, не думал, что ты так отличишься в первом же бою.

— А я не отличался, товарищ командир,— ответил удивленно Гриша,— я просто прогонял немцев от родной Москвы.

— Скажи, где ты научился так владеть пулеметом? — снова спросил командир.

— А это мы в комсомоле научились. У нас был военный кружок и там комсомольцев учили стрелять из пулемета. Я ведь тоже комсомолец,— с гордостью произнес шестнадцатилетний воин.

НАВСТРЕЧУ ТАНКУ

Командир отделения комсомолец Юрченко упал в мокрую, еще не высохшую после дождя траву. Он внимательно прислушивался к разгоряченному пульсу боя, стараясь отыскать тот вражеский пулемет, который упорно не давал его подразделению двигаться вперед. Несколько пулеметов строчили в разных концах поляны, посреди непрерывно падала целая стена мин, которая должна была закрыть дорогу кировцам к вражеским окопам.

— Неплохо немец устроил,— думал Юрченко,— но мы пройдем.— Он посматрел на лица бойцов своего отделения,— все они были задорны, молоды, но печать сурового мужества, которую успела наложить на их лица война, говорила, что молодость, задор и это мужество пройдут все трудности и искрушат врага.

Наконец Юрченко услышал то, что хотел. Из-за пригорка, усеянного колючими лесными кустами, строчил пулемет, именно тот, который не давал подняться его бойцам.

— Товарищ Полюшкин,— крикнул командир пулеметчику. По вражескому пулемету, что находится за бугром с кустами, длинной очередью — огонь!

Быстро заговорил пулемет Полюшкина. Его говор был куда приятнее говора немецкого пулемета, он сыпал свинец на бугор с кустами, и противник вдруг замолчал.

— Ага,— засмеялся Полюшкин,— проглотил советскую пулю, гадина?

Путь был свободен, и бойцы рванулись вперед. Вот уже преодолен огневой заслон из мин, вот уже видны окопы немцев, и кировцы с громовым ура бросились в штыковую атаку. Враг не выдержал натиска и бежал.

Победа, которую бойцы только сейчас одержали, кружила приятно голову, но кровь успокаивалась, дыхание становилось равномерней, и только один Юрченко был почему-то бледен.

— Что с вами, товарищ командир,— спрашивали бойцы.

— Да так, ничего особенного.— Юрченко скрыл от бойцов, что был ранен как раз в тот момент, когда бойцы проникли через огневую завесу. Собирая в один кулак всю свою волю, всю силу ненависти к врагу, он бежал с поднятой наперевес

винтовкой; нога ныла, каждый шаг отдавался иглами боли в сердце, в мозгу, но он превозмогал эту боль и продолжал вести свое отделение в атаку. Он не хотел говорить бойцам, что бледен, благодаря большой потере крови, он только стозвал в сторону санитаря и сказал: — Перевяжи, но о раниении ни слова.

Когда перевязка была сделана, Юрченко почувствовал себя лучше.

— Вот и хорошо, — засмеялся он, — еще полчаса и я буду здоров.

В это время он услышал страшный взрыв. Это немцы начали обстреливать занятые кировцами позиции крупнокалиберной артиллерией. Фашисты готовились контратаковать.

Комсомолец Юрченко впился глазами в седую от утреннего осеннего тумана даль. Там показались бегущие фигуры немцев.

— Подпушу на близкое расстояние, а потом расстреляю, — решил командир отделения. Немцы подходили все ближе и ближе, но поляна упорно молчала, наконец, когда они приблизились на сто метров, поляна ожила. С разных концов заговорили наши пулеметы и автоматы, пачками били винтовки, и немцы, оставив на поле боя много трупов бросились обратно.

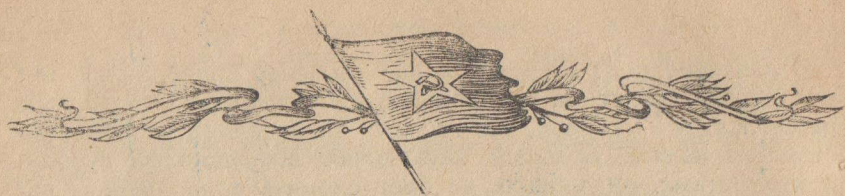
Эта поляна с возвышенностью господствовала над окружающей местностью и дорогой: став на нее, можно было держать под обстрелом все вокруг, и немцы хотели снова овладеть ею. После неудавшейся контратаки, фашисты пустили в ход тяжелые танки. Ломая тонкие березки, они вышли из леса и пошли прямо на кировцев. Когда стальные чудовища, отмеченные проклятым крестом двинулись к окопам, комсомолец Юрченко схватил связку гранат и пополз навстречу первому танку.

— Раненый человек вступает в единоборство с танком. Кто победит? — Подумал санитар, ранее перевязывавший командира.

Юрченко подползал все ближе и ближе к танкам, они заметили его и открыли пулеметный огонь. Еще одна пуля больно впилась в тело. Два танка почему-то остановились, а третий продолжал двигаться вперед и казалось, что он скоро наступит гусеницами на тело раненого комсомольца.

но Юрченко полз вперед. Он на мгновение приподнялся, метнул связку гранат, за которой последовал взрыв. Когда дым рассеялся, все увидели, как грозный танк немцев беспомощно стоял на поляне. Большой, неуклюжий, вооруженный пушкой и пулеметами, он, однако, не смог сломить воли дважды раненого комсомольца Юрченко.

Старший лейтенант
Г. НИЛОВ.

Под Малоярославцем

Немецкое командование в своем плане о захвате Москвы уделяло большое внимание направлению — Медынь — Малоярославец — Подольск. Оно считало это направление прямой дорогой к нашей столице.

Теперь вполне понятно то упорство, с которым противник цеплялся за Малоярославец и Медынь, если еще к тому же принять во внимание нависшую над ним угрозу окружения и уничтожения всей группировки Малоярославец — Медынь — Юхнов. Это обстоятельство заставляло его еще яростнее удерживать каждый населенный пункт, чтобы успеть выскочить в еще существующие щели. Он воздвигнул вокруг каждого города и части населенных пунктов систему укреплений, сильно насыщенных огневыми средствами.

На этом участке немецкие войска, давно остановленные нашими контрударами, около трех месяцев занимались сооружением оборонительной полосы. Все населенные пункты были превращены в сильные узлы сопротивления. В домах и сараях выпиливались и оборудовались амбразуры для пулеметов и даже были случаи — для орудий. В некоторых случаях противник дополнительно укреплял стены зданий, обращенные в нашу сторону. Подступы к населенным пунктам были обеспечены воздействием пулеметного, минометного и артиллерийского огня.

Такие типичные узлы сопротивления предстояло взять частям полковника тов. Гурьева. На их долю в боях за Малоярославец выпала наиболее тяжелая и наиболее почетная задача.

Накануне наступления. Старший батальонный комиссар тов. Киреев ставит задачу работникам политотдела.

Противник, яростно сопротивляясь, удерживал населенный пункт М. В то время, как остальные части сковывали противника с фронта, часть т. Киреева должна была обойти его справа и атаковать населенный пункт К., что обеспечивало дальнейшее продвижение частей. Совместно с частью дей-

ствовал артиллерийский дивизион под командованием т. Кочетова.

Путь наступающих лежал через лесной массив, протяженностью в 17 км. Преодолеть его при наличии одной проселочной дороги было чрезвычайно трудно, учитывая, что в лесу противник выставил густую сеть разнообразных заграждений: минированные лесные завалы, проволочные заграждения, минные поля, на которые, очевидно, немецкое командование возлагало большие надежды. Это подтверждается, между прочим, тем количеством мин, которые захватывают наши наступающие части в числе других трофеев.

После лесного массива перед населенным пунктом К. простиралось ровное место, несколько с подъемом к последнему.

Все расчеты строились на силе артиллерийского огня, мужестве и боевом мастерстве наших воинов. Это был тяжелый и славный марш. Без дорог, утопая в снежных сугробах, бойцы неумоимо шли вперед, на руках вытаскивая пушки и подводы. Мороз достигал 30°. Но задача была успешно решена. Подразделения, сохранив полную боеспособность, вышли на опушку леса. Противник продолжал таинственно молчать, не выявляя своих огневых средств. Часть приняла боевой порядок. Подразделение под командованием т. Щербакова должно было обходить населенный пункт справа. Артиллеристы выкатили свои орудия на открытые огневые позиции и с нетерпением ждали появления цели. Фашистские гады хотели подпустить часть на расстояние 200—300 м. и, не давая возможности продвигаться и маневрировать, расстрелять ее на открытой местности. На помощь командиру пришли, как и всегда, смелые и инициативные разведчики. Они незаметно для врага совершили глубокий обход и зашли к нему почти в тыл со стороны правого фланга. Враг, не выдержав, открыл пулеметный огонь. Этого только и нужно было командиру крупнокалиберного пулемета т. Михайлову. «Нет гад, ты сам полчал, а теперь я тебя заставаю молчать», и с этими словами он выпустил из своего верного «богатыря» три-четыре коротких очереди в то место, откуда строчил немецкий пулемет. Враг замолчал. Бойцы, действующие с фронта, видя и чувствуя действия противника, стали успешно продвигаться. Немец встрепенулся и боясь опоздать, открыл

не наступающим ураганный автоматический и пулеметный огонь.

Как и в большинстве других случаев противник искусно использовал строения. Наши передовые подразделения к тому времени подошли на 200—250 м от деревни, группа т. Щербакова была несколько ближе. Командир части развернул второй эшелон, который должен был развертываясь из-за левого фланга, нанести удар слева. Враг, почувствовав угрозу, пустил в действие все огневые средства. Из-за реки, которая была западнее деревни на 300 м., от церкви заработала минометная батарея. Продвижение подразделений замедлилось. Немцы оказывали отчаянное сопротивление. В направлении подразделения т. Щербакова, которое сумело уже подойти к окраине деревни, противник предпринял несколько контратак; но каждая из них обошлась ему очень дорого. Бойцы использовали уже захваченные сараи и превращали их в крепости; те которые находились на поле поднимались в атаку. Все же положение оставалось тяжелым. Враг не хотел отдать населенного пункта.

На выручку пришли славные артиллеристы. Отсекр партийного бюро т. Старых хладнокровно давал указания командиру батареи куда сосредоточить огонь. Сам командир дивизиона т. Кочетов непосредственно указывал цель и подавал команду, не забывая и общего руководства дивизионом. Это воодушевляло артиллеристов. Они работали хладнокровно, спокойно и точно. Противнику страшно мешала наша артиллерия, он прикладывал все силы к тому, чтобы вывести ее из строя. Но искусно маневрируя наша артиллерия продолжала громить минометную батарею и огневые точки врага.

Поддержанные артиллерией бойцы, зарывшись в снег продвигались вперед. Мокрые пальцы их леденели. Но не страшен был холод. Присягавшие ненавистью, бойцы приближались к цели. Они помнили приказ, знали что деревня должна быть нашей, они помнили, что в эту деревню пошлые фашистские звери согнали около 300 семейств из соседних деревень. Их нужно было освободить. Тем временем группе бойцов во главе с Зориным приказали, используя овраг и лес обойти деревню с тыла и внезапно ворваться в нее. Немцы почувствовали изменение в нашем действии и

заметались по деревне, пытаясь оградить себя от опасности. Однако, наш маневр оказался для немцев сюрпризом. Группа сходу ворвалась в деревню и завязала уличный бой. В окна домов, где засели автоматчики полетели гранаты, сопротивляющихся доканчивали штыками.

Желая восстановить положение, немцы сняли часть сил с передовой линии обороны. Этого было достаточно, чтобы всем подразделениям подняться в атаку. С криками «ура», атакуя с нескольких сторон бойцы вошли в соприкосновение с немцами. Уличный бой разгорелся с новой силой. Он длился около двух часов. Враг был выбит с большими для него потерями. Сломив сопротивление противника части углубились в лес. Этот маневр был настолько стремителен и неожиданным, что враг не успел вывезти свои минометы и 2 пушки 75 мм. На другой день часть т. Киреева заняла еще два населенных пункта.

В это время на левом фланге части произвели такой же прорыв и с боем заняли 3 населенных пункта. Таким образом, оборона противника была прорвана на обоих флангах. И только в центре немцы продолжали сопротивляться, но почувствовав угрозу окружения они поспешили оттянуть свои силы, которые были значительно потрепаны и уничтожены при попытке их вывести. Искусно маневрируя, наши части вынудили фашистов откатиться на юго-запад.

Таким образом, был подготовлен удар по Малоярославцу с севера.

Старший политрук
С. МИТИН.

Не числом, а умением

ИХ БЫЛО В 60 РАЗ МЕНЬШЕ

Через деревню и разезд Кошняки проходила очень важная коммуникационная линия, по которой шли обозы с продовольствием и боеприпасами к продвинувшимся далеко вперед нашим частям.

Противник находился в окружающих деревнях. Отрезанный от основных своих сил, он всячески пытался прорваться и наиболее выгодным для него местом прорыва служили именно деревня и разезд Кошняки, отсюда врагу открывался прямой путь на Вязьму. Сначала мелкими, а потом все более увеличивающимися группами, противник пытался вырваться из кольца, но его неизменно отбрасывали обратно. Враг откатывался, оставляя на снегу каждый раз более десятка трупов своих солдат и офицеров.

Такова была обстановка, предшествовавшая бою, который разыгрался у деревни и разъезда Кошняки 22 января 1942 года.

6 часов утра. Еще окончательно не рассвело, но небо начало светлеть, звезды одна за другой гаснут, а луна покрылась мертвенной бледностью. Она еще висела в небе, но одинокая, холодная, покинутая своими яркими соседками.

Все еще отдыхали, только дежурный поторапливал повара, который готовил завтрак. Часовые настороженно смотрели в

сторону противника, иногда заходили в комнату, справляясь с временем.

В этот момент часовой доложил, что на юго-западную окраину деревни в белых халатах движется большая группа людей, силою до трех рот.

Старший политрук Старых выслушал донесение часового и вызвал к себе старшего сержанта Зуйкова.

— Товарищ Зуйков,—сказал Старых,—в нашем распоряжении только тринадцать разведчиков, которыми вы командуете. Обстановка вам ясна, необходимость во что бы то ни стало удержать разезд и деревню, вам тоже ясна. Приказываю вам занять прочную оборону, огонь открывать только групповой, при чем на близкую дистанцию и с таким расчетом, чтобы эффективность огня была наибольшей.

Старший сержант Зуйков повторил приказ и вышел из дома. Все было выполнено точно и быстро.

Старший политрук Старых знал бойцов, знал, что они не будут считаться с любыми жертвами для выполнения боевого приказа. Все они были старыми кадровыми кировцами, закаленными в боях с врагами родины, до конца преданными своей отчизне.

Каждый из зуйковцев, как их называют в части, жаждал сполна отомстить врагу за все его злодеяния. Каждый стремился побольше уничтожить фашистских солдат, которые с оружием в руках стремились поработить великую страну свободного народа.

Немцы подходили все ближе и ближе, с каждой минутой их голоса становились все ясней и отчетливей, расстояние между ними и кировцами быстро уменьшалось, но кировцы огня не открывали. Немцы приободрились и пошли в полный рост. Эти вояки думали, что обороняющие деревню кировцы испугались и убежали. Дистанция сократилась уже до семидесяти, затем до шестидесяти метров, и вдруг, неожиданно для немцев полетели очереди из автоматов и пулемета. Не менее ста фашистов грохнулись замертво, остальные прижались к снегу. Огонь тотчас же прекратился. Тогда фашисты постарались встать, но их снова прижал к снегу огонь советских автоматов.

— Лежите, лежите,—говорил командир отделения Кисе-

лев,—если замерзните, то можете приподняться, пошевелиться, а мы подогреем вас жарким огоньком.

У каждого кировца был автомат и винтовка. Автоматами поражали врагов на близких дистанциях, винтовками — на дальних. Это давало возможность простреливать всю глубину, на которой залегли немцы. Они лежали, боясь пошевелиться.

Положение с каждой минутой усложнялось и становилось все более угрожающим. Противник подтягивал силы и готовился к новой атаке, чтобы освободить замерзающих на снегу солдат и офицеров и окончательно овладеть деревней. Приведенные пленные сообщили, что здесь наступают два немецких батальона: один силою до трехсот солдат, второй — до четырехсот. Боеприпасы у десяти оставшихся в строю кировцев были на исходе.

Старший политрук Старых позвонил в штаб соединения и доложил о сложившейся обстановке. Телефонную трубку взял командир соединения полковник Гурьев.

— Необходимо любой ценой удержать дорогу до прихода подкрепления, которое мы вам вышлем,—говорил полковник.

— Приказ ваш, товарищ полковник, мы выполним, пришлите только боеприпасы,—попросил старший политрук Старых.

— Немедленно высылаем,—ответил полковник и повесил трубку.

А между тем противник, видимо готовя наступление, открыл ураганный огонь из орудий и минометов. В районе обороны со зловещим грохотом начали разрываться мины и снаряды. Один из кировцев, растегнув ворот шинели вдруг произнес.

— Немного жарко, зато немцам много холодно, смотрите, они кажется замерзли.

И действительно, немцы, лежащие на снегу уже в течение десяти часов, начали замерзать. Некоторые не выдерживали холода и подымались, чтобы хоть сколько-нибудь согреться, но их моментально сшибали меткие выстрелы кировцев.

Разрывы снарядов обозначались все чаще и чаще. Один из снарядов угодил в дом, где находился командный пункт. Дом загорелся. Осколками были повреждены телефонные аппараты. Связь была прервана.

— Перейдите в другой дом, установите радио-связь со штабом соединения, — приказал Старых лейтенанту Комиссарову. Лейтенант быстро выполнил приказ, командный пункт был перенесен в другой дом, а через несколько минут радист Уткин доложил, что радио-связь со штабом установлена.

Время приближалось к ночи. В темном морозном небе, затянутом густой дымкой, тускло поблескивали звезды. Мороз усиливался с каждой минутой, — термометр показывал уже тридцать два градуса ниже нуля. В деревне полыхало теперь более десятка домов. Положение становилось угрожающим. Сам старший политрук Старых рассказывал об этом моменте так: — «Несмотря на то, что первая группа немцев в составе более трехсот человек лежала уже около пятнадцати часов на снегу, причем потери у этой группы были более чем огромны, немцы не оставили мысли о занятии деревни, наоборот, с каждой минутой они с большим остервенением продолжали рваться вперед. Второй группой, достигающей четырехсот солдат фашисты начали обтекать деревню с трех сторон. Создалась угроза окружения. Несколько бойцов удерживали немцев на раз'езде, остальные — у деревни. Фашисты рвались к дороге, по которой должны были прибыть боеприпасы и подкрепление. Пришлось выбирать, либо удержать за собой деревню, либо дорогу. Я выбрал дорогу, так как она в данный момент имела исключительно важное значение, а немцам оставил часть деревни».

Заместитель политрука Романов вместе с пятью бойцами оседлал дорогу. Загорелся жаркий, но короткий бой, в результате которого фашистские вояки были отброшены далеко назад и дорога осталась в руках кировцев. В это время были боеприпасы. Настроение бойцов сразу приподнялось.

— Пришла горячая закуска для немцев, — говорили они набивая диски.

— Товарищ старший политрук, — обратился к Старых командир отделения Киселев, — разрешите атаковать деревню и выбить оттуда фашистов.

А сколько у вас для этого сил? — шутливо спросил Старых у Киселева.

— Нас трое, — ответил Киселев, — но учтите, что все кировцы.

— Тогда можно, — разрешил старший политрук.

Киселев с бойцами исчез в ночной темноте. Через некоторое время раздались длинные очереди из автоматов. Фашисты, гревшиеся у горящих домов, не ожидали нападения. Выстрелы раздавались с трех сторон, причем стреляющих они не видели, а пули уносили одного за другим немецких солдат. Не пытаясь сопротивляться, фашисты стремглав бросились из деревни.

Теперь деревня, раз'езд и дорога снова были в наших руках. Только через два часа подошло подкрепление.

Задача была выполнена. Тринадцать кировцев, во главе со старшим политруком Старых одержали блестящую победу над двумя батальонами противника, причем потери его только сдними убитыми составляли более двухсот человек.

В этом ожесточенном бою, как никогда проявились отличительные качества кировцев. Упорство, военная хитрость и смекалка, мужество и храбрость, беспримерная отвага в соединении с беззаветной преданностью своей родине — всегда обеспечивали кировцам победу над врагом и сейчас привели к победе над противником, обладающем силой в шестьдесят раз превосходящую силы кировцев.

Воевать не числом, а умением, так сильно звучит суворовская правда на примере этого боя в наши дни.

Красноармеец П. МИХАЙЛОВ.

По стервятнику

Как я сбил немецкий самолет

Мы только вступили в освобожденное от немецких варваров советское село. Кругом развалины. Догорая, дымятся бревна крестьянских изб. Это следы двуногих зверей. Болит сердце, когда своими глазами увидишь эту картину фашистского разбоя.

Как раз в этот момент над деревней появился фашистский стервятник. Не удовлетворен, видимо, он был произведенным разбоем. Когда я увидел его, сразу встал у своего крупнокалиберного пулемета. Пулемет мой, правда, не совсем приспособлен для стрельбы по воздушным целям, но из опыта предыдущих стрельб я наметал глаз и решил достойно ответить стервятнику.

Под впечатлением гнусных дел хозяйничания немцев в этой деревне и злобы, которая охватила меня в эту минуту, я немного волновался. Думал, — вдруг промажу. Когда самолет приблизился к моему пулемету, я затаил дыхание. Тщательно прицелился, в уме произвел расчет и выстрелил. Длинная очередь просвистела в воздухе. Уже по положению тела пулемета и полету самолета я определил, что попадание должно быть точным. Так и получилось. Стервятник сразу поватнулся, сделал крен и задымил. Не было конца моей радости. А когда, об'ятый огнем он упал на землю, я про себя сказал, что есть еще одна немецкая могила на нашей земле.

Пусть и мой меткий выстрел послужит частицей той справедливой мести, которая двигает весь свободолюбивый народ мира на борьбу с немецкими захватчиками.

Пулеметчик П. Михайлов ведет огонь по фашистскому стервятнику.

Ф. МЕЧЕТНЕР

Сильнее смерти

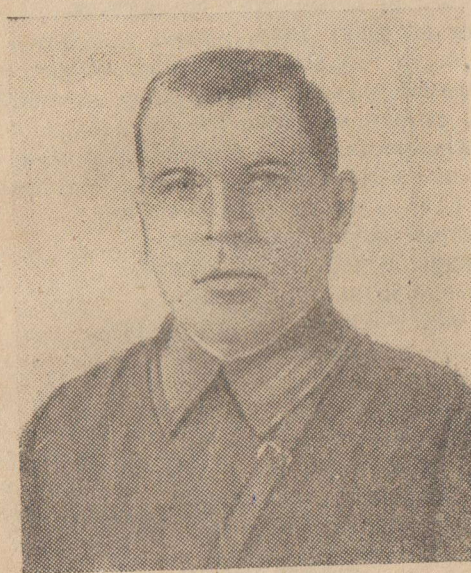
(Фронтовая поэма)

Пулеметчику Иванову посвящаю я эти стихи. Пусть он примет это как документ подлинного восторга его поступком, как факт искренней гордости его боевыми делами.

20 января 1942 года группа храбрцов во главе с пулеметчиком Ивановым занимала оборону в районе деревни Глинки. Здесь проходила очень важная коммуникационная линия, на которую неожиданно напали немцы. И двадцать храбрцов решили дать бой двум фашистским ротам. Три часа длился бой, три раза бросалась коричневая свора вперед, но натываясь на ураганный пулеметный огонь откатывалась обратно. Железной воли обороняющихся кировцев они сломить не могли и отошли, оставив на поле боя свыше пятидесяти трупов солдат и офицеров и разгромленный обоз, состо-

ящий из 54 подвод. Так закончился первый день боев.

Рано утром 21 января фашисты возобновили наступление, но теперь они уже решили взять храбрцов в кольцо. В этот раз их было уже до пятисот.

Красноармеец—пулеметчик
Константин Иванов.

Бойцы, несмотря на сорокакратное превосходство сил противника, продолжали упорно сопротивляться. Пулеметчик Иванов в этом бою был ранен, но продолжал разить врага. Когда подошли наши подразделения—бой подходил к концу. Иванов отгонял последних немецких солдат. За два дня боев

он отбил семь атак противника и
уничтожил 230 вражеских солдат и
офицеров.

Я горжусь, что служу в одной части
с героем Ивановым, о нем пишу свои
стихи и ему посвящаю их.

I

На землю вечер стал спускаться,
Катя на небо диск луны...
Их было только лишь двенадцать —
Любимой родины сыны.
Они стояли на опушке
У перекрестка трех дорог.
Орали где-то близко пушки,
Но где? — никто понять не мог.
Шептали жарко пулеметы,
Пожары вечер гнали вспять,
Там где-то наступали роты,
Но чьи? — никто не мог понять.
Но это все не волновало
Стоявших на посту бойцов:
— Пугаться шуму не пристало, —
Сказал спокойно Иванов,
— Теперь стоим мы в обороне
У перекрестка трех дорог...
Тревожно ржали где-то кони,
Но где? — никто понять не мог.

II

И Иванов подбил лопаткой
Сугробы снежные у ног,
Взял пулемет за рукоятки,
Потрогал ласково щиток...
— Шутить Максиму не пристало,
Он бросит сотни крепких слов,
Когда подымутся нахалы, —
Сказал шутливо Иванов.

III

Он так сказал. А за снегами
По направлению на пост,

Большими, плотными рядами
Фашисты шли, да в полный рост.
И в снег зарылись словно кроты
Бойцы на стыке трех дорог.
Так вот чьи наступали роты...
Теперь ответить каждый мог.

IV

— Чтоб не стреляли без приказа, —
Сказал сквозь зубы Иванов.
Его шутливый голос сразу
Стал словно битвы час суров.
— Поймаем немцев мы на мушку
И так дадим, что будут знать.
И с этой нужной им опушки
Прогоним в душу... в бога мать....

V

Они лежат, уж немцы рядом,
Рука тверда... — Крючок не тронь...
Тут Иванов сказал ребятам:
— По клятой немчуре — огонь!
И слово — огненным плакатом
Фашистам набок сбило рот...
Заговорили автоматы,
Затараторил пулемет.
А Иванов шептал все:

— Знатно

Поет «Максим» — им не пройти...
И немцы бросились обратно,
Теряя трупы по пути.
Три раза шли вперед фашисты,
Но отходили вновь и вновь.
И на огромном поле чистом
Как красный мак, алела кровь.

VI

Уже давно не рвались мины,
Исчезли немцы с поля прочь,
И на безмолвную равнину
Как смертный сон, спустилась ночь.

Никто не спал. Они лежали,
Винтовки сжав в своих руках.
Тревогою дышали дали,
Бродила ночь в лесу, в снегах,
В глубоком сне застыли ели,
Сковали сном себя кусты...
— Да мы сегодня не поели,
Но немцы ели,— и сыты! —
Воскликнул кто-то на опушке
У перекрестка трех дорог.
Но утром снова твякнут пушки,
И снова враг подняться мог...
— Послушай, братцы, пусть нас мало,
Но не уйдем... и хватит слов!
Бежать, как зайцам, не пристало,—
Сказал сурово Иванов.
— Бежать нам, кировцам, не гоже,
Не немцам в спины наши бить...
За смерти наши рыжим рожам
Придется много заплатить...
Никто не спал. Они лежали,
Винтовки сжав в своих руках.
Тревогою дышали дали,
Бродила ночь в лесу, в снегах...

VII

Ночь улетала словно птица,
Махая бархатным крылом.
Светлел восток, гася зарницы
В бездонном небе голубом.
И словно ветхие старушки
Под тяжестью прожитых лет,
Укутав ноги в белый плед
Стоят избушки за опушкой.
Но здесь людей не видно днем,—
Стоит село, как мертвый дом.

VIII

Влезало солнце по ступеням,
Слепя все ярче и сильней.

И по снегам тянулись тени
От трупов, брошенных саней.
— Да, мы вчера им дали духу,
Теперь фашисты будут знать:—
Земля для них не ляжет пухом,
Коль к нам полезли воевать.—
Так Иванов, готовя ленты,
Шутил с бойцами то и знай:
— Я подготовлю им патенты,
Что, мол, годятся к богу в рай...

IX

А там, за снежным горизонтом
Сбиралась в кучу вражья рать.
Теперь они уже не фронтом,
Не в лоб пошли атаковать.
Они разбились на три группы,
И в каждой, силою до рот,
Сказали офицеры тупо:
— Хайль Гитлер!— И пошли вперед.
— Все будет просто как игрушка,
Мы с трех сторон их обойдем
И, доннер веттер, мы опушку
Сегодня к вечеру возьмем.
Сегодня к вечеру возьмете?
Да пусть вас много, до трех рот,
Но не дойдете... Врете, врете!..
Посмотрим чья еще возьмет!
И там, за снежным горизонтом
Заколыхалась вражья рать.
Теперь они уже не фронтом,
Не в лоб пошли атаковать.

X

Бойцы увидели: далеко
Идут фашисты.
— Хлопцы, глянь...
— Ого, куда не кинешь оком
Повсюду лезет вражья рвань.
— Берут в кольцо, чтож, планы чисты,
Да мы не стукнем в грязь лицом

И рвущихся вперед фашистов
Уложим в смертное кольцо.

XI

И загорелся бой кровавый,
Неравный бой, Священный бой,
Вперед шли немцы, но орава
Вминала трупы под собой.
Казалось им, что все готово,
Опушка близко,— хочешь,— тронь!..
Но Иванов, нахмурив брови,
Еще усиливал огонь.
Опять шептал он:

— Знатно, знатно

Поет «Максим», им не пройти—
И все бросались обратно,
Теряя трупы на пути.

XII

Но отступив, фашисты снова
Кидались яростно вперед
И весь огонь на Иванова
Они обрушили, но тот
Стремительно летел по кругу,
И пулемет не умолкал.
Тут что-то больно впилося в руку.
Рука повисла...

— Вот скандал,

Как я возьмусь за рукоятки,
Как будет петь «Максимка» мой..
Что ж, положу на две лопатки
Всех немцев и одной рукой.

XIII

Бой разгорался с новой силой,
Кольцо сжималось все тесней,
Визжали пули, словно пилы,
Из-за наваленных саней,
С глухим трезвоном рвались мины,
Плевался смертью пулемет..
Казалось, что свинца лавина
Бойцов отважных оттолкнет.

Казалось, что еще минута —
И все взлетят на облака.
А Иванов:

— Эх, фу ты, ну ты,
Давай прибавим огонька.

XIV

Взрыв
мин —
Снег
в высь!
Блон —
дин,
Дер —
жись!

По —
стой,
Блон —
дин,

Вас
сто —
Я
один
Все
в снег —

Снег
чист!
Капют,
фашист!

Трам...
Бам!
Бух...
Бац!

Это
вам
Не
эрац!

XV

Из всех бойцов лишь шесть осталось —
И те — израненные в кровь,

Но как фашисты не бросались,
А отходили вновь и вновь.
У Иванова сводит руку,
Как будто в кости вбит кинжал,
Но превзмогая болей муки,
На спуск рукою нажимал.
И пулемет, не умолкая,
Косой смертельною косил.
Тут кто-то ленту поправляя,
Сказал:

— Осталось мало сил.
— Что силы все?— Да пусть нас мало,
Но не уйдем, и... хватит слов.
Бежать от немцев не пристало,—
Сказал сурово Иванов.

XVI

Тяжелый день к концу клонился,
Уж бою кончиться пора...
Но тут как знамя к небу взвился
Поток могучего ура.
И Иванов воскликнул:

— Наши,

Теперь в атаку перейдем,
Добавим им свинцовой каши,
Согреем жарким огоньком.

XVII

И стало тихо на опушке,
Давно в снега уполз кто мог...
— Что, вам понравилась игрушка
У перекрестка трех дорог?!

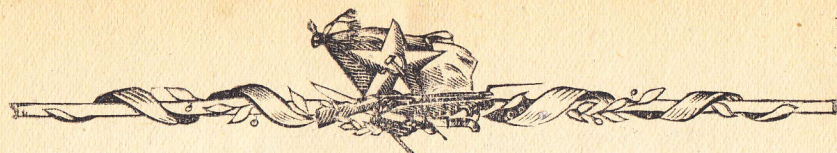
XVIII

А там за снежным горизонтом
Сползлась в кучу вражья рать.
И офицер сказал пред фронтом:
— Не будем больше наступать,
Опушку к ночи мы бы взяли,
Да вот потерь огромен счет...
Один обоз мы потеряли
И трупов более двухсот.

XIX

На землю вечер стал спускаться,
Катя на небо диск луны...
Их было только лишь двенадцать
Любимой родины сыны.
Пусть смерть вокруг бойцов ходила,
Терзая тело в клочья, в кровь,
Но смерти было не под силу
Сломить сыновнюю любовь.
И смерть ушла с немой тоскою,
Бессильный гнев в груди тая.
Так славься родина героев,—
Отчизна милая моя.

Старший военфельдшер
З. ТАБАНЕЦ.

Мужественные люди

На пункте медицинской помощи

— У входа в этот дом вывесить красный крест, — распорядился интендант Теренин. Через несколько минут белое полотнище с красным крестом свободно развевалось на холодном морозном ветре.

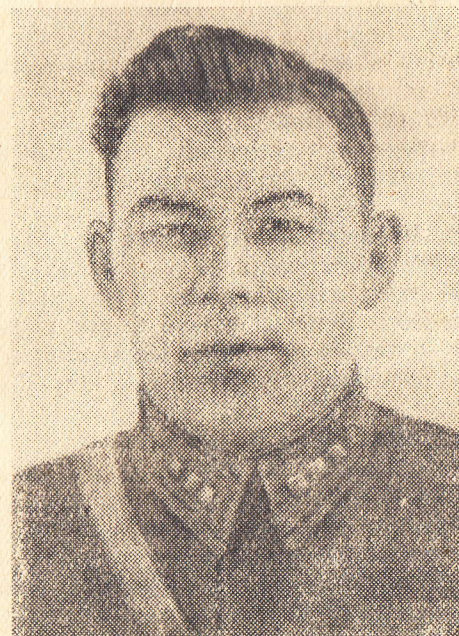
Интендант продолжал отдавать распоряжения:

— В этой комнате мы развернем перевязочную, а в той, что несколько меньше, сложим продукты, которыми будем кормить раненых. В этом доме будем оказывать помощь легко раненым, а в соседнем перевязывать тяжелораненых. Кстати, товарищ Цивцивадзе, в том доме приготовьте все для переливания крови, в случае, если оно потребуется. — Интендант отдал еще несколько приказаний и, выйдя на улицу, вызвал шоферов.

— Еще раз проверьте машины и заправьте их горючим. Помните, что машины должны быть все время на ходу и что спасение раненых во многом зависит от работы машин и следовательно от вас, товарищи.

Интендант вернулся в комнату, которая за время его отсутствия успела изменить свое лицо. Это под руководством военврача Носковой была произведена уборка комнат. Столы уже были застланы белыми простынями, а сама Елена Нико-

лаевна раскладывала на них инструменты, медикаменты, шприцы для введения морфия, сывороток, комфоры и кофеина. Москвич (так все называли повара-музыканта Володю Тихонова) даже успел растопить печку. Подбрасывая

Старший военфельдшер З. С. Табанец,
награжденный медалью „За отвагу“.

дрова, он смотрел как яркие языки пламени жадно лизали чугушки с греющимся чаем. Затем неожиданно запел:

— Но любовь моя в реках не тонет
И в огне никогда не горит...

Эх, кабы не было войны, жизнь была бы совсем иная, — говорил он своему другу Скуратову.

— Не могу я равнодушно смотреть на эту молодежь, — сказал интендант, протирая очки. — Веселый народ, с ним

и я становлюсь моложе.— Он одел очки и обратился к младшему политруку Григорьеву.

— Пойдем, комиссар, посмотрим, что еще нужно сделать для полной готовности. Они вышли.

Фронт был совсем близко. Пулеметные очереди были слышны даже в комнате, а от взрывов снарядов сотрясались стекла. В комнату вбежал связной санитар Иванюк и доложил, что наша часть пошла в наступление. Раненые могут начать прибывать с минуты на минуту.

— Что ж, передайте начальнику, что у нас все готово к приему раненых,— сказал интендант, вошедший в это время в комнату.

— Есть! — и Иванюк быстро вышел.

Тихонов готовил бутерброды для раненых, затем, когда вскипел чай, подошел к Цивцивадзе. Тот уже организовал свое рабочее место, и теперь, сидя в белом халате и в белой марлевой маске, о чем-то сосредоточенно думал.

— Товарищ военврач,— обратился к нему Тихонов,— выйдите стакан чаю.

— Потом, — рассеянно ответил врач.

— Вы сегодня целый день говорите это слово, но поесть чего-нибудь не удосужились.

Врач улыбнулся:— Успею, честное слово успею, вот только закончу прием раненых.

Тихонов с недовольным видом отошел в сторону.

В это время на улице загудел рожок автомобиля, подехала санитарная машина с ранеными.

Двух тяжело раненых внесли на носилках в дом, где работал врач Цивцивадзе, а четверо легко раненых ввели в перевязочную.

— Чем ранены?— Спросил Цивцивадзе у красноармейца.

— Осколком мины,— стиснув от боли зубы, проговорил боец.

У раненого осколком была раздроблена правая голень, частично бедро и повреждена правая половина грудной клетки. Видно было, что боец страшно мучался от боли.

— Успокойтесь, дорогой,— говорил Цивцивадзе, накладывая на голень шину,— сейчас вам станет легче. Затем, обращаясь к санинструктору добавил:— Запомните, что шину нужно приспособлять к конечности, а не конечность к шине.—

Раненые были быстро обработаны. Они обогрелись, покушали и несколько успокоились. Получив из рук писаря заполненные карточки передового района, раненые были эвакуированы дальше в тыл.

Бой разгорался все сильнее и сильнее.

Медпункт продолжал свою работу.

* * *

На утро обстановка изменилась. Наши части, продвигаясь вперед теснили врага. Немцы отходили, прикрывая свой отход артиллерией и минометами. Снаряды долетали и в эту деревню. Осколки изрешетили стены дома, в котором военврач Цивцивадзе производил переливание крови раненому. Вдруг раздался оглушительный взрыв. Домик зашатался. Это прямым попаданием влетел снаряд в соседний дом и поджег его. Жаркое пламя взвилось к небу. Ветер раздувал его и переносил на дом, в котором продолжалась ответственная операция.

В доме все засуетились.

— Спокойствие!— крикнул Цивцивадзе.— Помните, что для спасения жизни раненого теперь важна каждая минута. Все по местам и продолжайте свое дело.

Спокойный и уверенный голос врача-коммуниста охладили присутствующих. Операция продолжалась.

Красноармеец лежал на столе без сознания. Шоковое состояние могло каждую минуту закончиться смертью. Все работало быстро и четко. Наконец операция закончена. Все с облегчением вздохнули.

Через минуту дыхание раненого красноармейца стало более ровным, он открыл глаза и с удивлением оглянулся.

— Значит жив?— удивленно произнес он. Его взгляд упал на врача. Крупные капли пота стекали по его лицу, озаренному радостной улыбкой.

— Ну, как вы себя чувствуете?— спросил врач.

— Спасибо, доктор, хорошо... Я никогда не забуду вас... Раненый снова прикрыл глаза.

— ☆ —

ВЛАДИМИР ЩЕРБА

О Владимире Щерба каждый говорил поразному:

- Отличный стрелок.
- Хороший медицинский работник.
- Смелый парашютист.
- Хороший товарищ.
- Храбрый разведчик.

И все были правы. Он мог делать все. За чтобы он ни брался, каждое дело у него получалось скоро и хорошо. Эти твои качества Владимир Щерба приобрел благодаря большой работе над собой. Он всегда говорил:

— Подождите, придет война, тогда все, что я умею делать пригодится не только мне, но и вам.

Так оно и получилось.

Над страной разразилась великая отечественная война. Вместе со всей частью Владимир принял участие в боях с германским фашизмом.

* * *

Щерба со своим другом Василенко шел по шоссе на передовую линию фронта. Они только что эвакуировали раненых в тыл и сейчас направились опять в пекло боя, чтобы снова оказывать помощь раненым.

— Посмотри, Володя, — воскликнул Василенко, — видишь, там во рву лежит мотоцикл. Нельзя ли его на что-нибудь использовать?

— Сейчас посмотрим, — ответил Щерба и побежал к мотоциклу. Он пощупал его, потрогал рычаги, попробовал завести и крикнул:

— Павлик, мотоцикл немецкий, но ехать на нем можно. Помоги вытащить его.

Друзья вытащили мотоцикл на шоссе. Щерба нажал на стартер, и мотоцикл заработал.

— Садись, Павлик, в коляску, сейчас доставлю тебя по адресу: — фронт, передовая линия, два «звонка» из миномета.

Подымая клубы пыли, мотоцикл понесся по дороге.

Теперь работа пошла быстро. Щерба перевязывал раненых, усаживал их на добытую машину и увозил в тыл, откуда он возвращался на передовую с коляской, набитой боеприпасами. Бойцы и командиры удивлялись:

— Не санинструктор, а вихрь какой-то. — Усадив однажды на свой мотоцикл пять раненых, причем одного себе на шею, Щерба пошутил. — Теперь я с этой «кобылкой» не расстанусь. — Но через три дня, когда Щерба несся на своем мотоцикле, снаряд угодил в колеса, превратив мотоцикл в кучу изломанных частей. Сам Щерба каким-то чудом остался жив.

Военфельдшер В. А. Щерба, награжденный орденом Красной Звезды,

Однажды, откуда-то возвращаясь, Щерба встретил почтальона.

— Вам письмо, товарищ военфельдшер, — крикнул красноармеец, когда увидел идущего к нему навстречу Щербу.

— Должно быть от отца, а ну дай мне его, — и Владимир

помог бойцу, найти письмо.— Конечно, от батьки. Интересно, что же он пишет?— Щерба разорвал конверт и начал читать... Сначала он читал про себя, но затем прочел вслух: «Володя, бей немцев так, как я их бил на Украине в 1918 г...» Письмо отца — красного партизана взволновало сына.

— Клянусь, батька, буду бить немцев и здорово. Пусть, знают немецкие вояки, что семья Щербы умеет разговаривать с непрошенными гостями.

* * *

Под городом Мценск наша часть остановила продвижение фашистских частей и заняла оборону. На второй же день два военфельдшера Щерба и Василенко, горячие друзья и боевые товарищи, обратились к старшему батальонному комиссару Кирееву с просьбой послать их в разведку вместе с группой лейтенанта Черенкова. Комиссар дал свое согласие, и два товарища начали готовиться в путь. Проверялось содержимое санитарных сумок, в последний раз осматривались автоматы, подгонялось снаряжение так, чтобы при ходьбе или беге оно не гремело и не демаскировало. Когда группа лейтенанта Черенкова подготовилась, — все двинулись в путь.

Эта ночь была особенно темной. На расстоянии трех шагов уже нельзя было разглядеть фигуру человека. Стояла необыкновенная тишина. Шли молча, прислушиваясь к каждому шороху. Ноги утопали в грязи и когда бойцы вытягивали их из луж, раздавалось характерное хлопанье.

— Тсс, — шептали бойцы, — тише! — Изредка к небу взвивались осветительные ракеты, время от времени издали раздавался одинокий говор пулемета, а затем снова воцарялась глубокая тишина.

Тихо подошли к городу. Теперь сердца бились учащенно и как-то тревожно. Вошли на одну улицу, вторую, третью — и вдруг заговорил пулемет.

— Так, так, продолжайте, — говорил лейтенант Черенков, отмечая место, где находился пулемет. Завязался бой. Появились раненые. Пользуясь светом осветительных ракет, которые немцы выпускали в большом количестве, Щерба и Василенко перевязывали раненых и снова бросались в бой. Несколько раз приходилось им менять санитарные сумки на сумки с дисками и наоборот.

Когда все огневые точки были замечены и задача тем самым выполнена, группа лейтенанта Черенкова вышла из города. Замыкали группу военфельдшера Щерба и Василенко, — они выносили на плащпалатке тяжело раненого красноармейца.

* * *

Теперь Владимир Щерба работает командиром взвода разведчиков.

— Беру пример со Щорса, — объяснял Щерба причину перемены специальности. — Щорс тоже сначала был медицинским работником, а потом стал строевым командиром. Щорса возможно из меня не получится, но немцев буду бить так, как он учил.

— ☆ —

БОЕВОЙ ДРУГ РАЗВЕДЧИКОВ

Санинструктора Александра Ходарченко, верного сына нашей родины, любят и ценят все бойцы и командиры нашей части. Простой и отзывчивый, мужественный и отважный, он заслужил эту любовь и своими боевыми делами оправдал ее.

Еще задолго до войны, в те дни, когда он пришел в Красную Армию, Александр Ходарченко сказал себе:

— Хочу быть санинструктором. — Это решение не было случайным и неожиданным, наоборот, характер и склад мировоззрения молодого бойца заставили его принять это решение.

Самым дорогим он считает человека. Но человеческий организм, как бы совершенно он не был устроен, слишком слаб. Маленький кусочек свинца способен оборвать жизнь или причинить человеку огромные страдания, и Александр Ходарченко решил помогать людям в их тяжелые минуты. Выносить с поля боя раненых, делать им под ураганным огнем перевязки, спасать жизни, — сколько в этом было славного и благородного, сколько смелого и волевого. Нет, решение Александра не было случайным.

Но помимо этого, Александр хотел еще быть разведчиком. Только там, по-настоящему сможешь помочь раненому товарищу, когда своя часть далеко и раненому требуются не

только своевременная перевязка и успокаивающие боли лекарства, а еще и доброе ласковое слово друга, сердечное и подбадривающее.

И Александр Ходарченко попросил командира направить его санитарным инструктором в разведывательную роту. Его просьба была удовлетворена.

Началась трудная, но интересная жизнь разведчика. Многочисленные трудности закаляли тело и волю, учили выносливости и упорству в достижении поставленной цели. Александр не только помогал больным, но и сам выполнял стдельные задания.

Однажды санинструктор заболел. Соблюдая режим, он не должен был в течение двух дней выходить на службу. Как раз в эти дни должны были проходить тактические учения. Тогда Ходарченко, не обращая внимания на болезнь, встал с постели и присоединился к уходящей на учения роте.

— Разве я имею право пропустить такие дни,— говорил санинструктор.— ведь пропущенная минута в мирное время скажется во время войны.

Военная закалка, приобретенная ранее, нашла свои выражения в войне с немецкими захватчиками.

В первых боевых действиях он показал образцы боевой работы. Но особенно его боевые качества выявились в боях за родную Москву...

Разведчики скрытно подползали к реке, за которой располагалась деревня. Никто не знал были ли в деревне немцы или нет, поэтому приходилось, применяясь к местности, маскировать себя.

Ночь выдалась темная. Изредка ночную тьму прорезали осветительные ракеты и на темном небе отражались языки пламени, которые вырывались из стволов орудий. Эта темная ночь позволила разведчикам незаметно на лодке переправиться на другой берег и так же незаметно для противника подойти к деревне.

Когда зарозовел восток и ночь растаяла в утреннем тумане, командир приказал разведать дома, которые находились в полутора километровом расстоянии отсюда. Эта задача была возложена на отделение сержанта Лодникова и отделение сержанта Горбатова. Вместе с ушедшими отправился и са-

нитарный инструктор Павленко, находившийся в роте в качестве усиления.

В домиках засели фашисты. Первым был ранен сержант Горбатов, но, невзирая на это, продолжал вести бой. Затем был ранен сержант Лодников. Павленко перевязал его и отнес в укромное место. Тут подоспели остальные бойцы, фашисты были выбиты из домов и бросились наутек.

Александр Ходарченко тщательно перевязал раненых и задумался как эвакуировать тяжелораненого сержанта Лодникова в часть. Ни носилок, ни плащпалаток не было, приходилось изворачиваться. На помощь пришла военная смекалка. Сняв с петель разрушенного дома дверь, Александр Ходарченко постелил на нее свою шинель и уложил раненого. Вместе с бойцом, оставленным для этого, он вынес больного, лежащего на импровизированных носилках к реке. Но лодки уже не было, она мерно покачивалась у другого берега.

— Очевидно бойцы забыли о нас. Или оставили кого-нибудь, но тот еще не доставил лодку,— сказал Ходарченко бойцу.— Но так или иначе лодка нужна, а времени терять нельзя, да и кричать небезопасно.— Вы плавать умеете?— спросил бойца санитарный инструктор. Тот отрицательно покачал головой.

— Тогда я сам доставлю лодку, а вы присмотрите за раненым.— С этими словами он разделся и окунулся в ледяную воду. Не прошло и пяти минут, как Ходарченко уже пригребал к берегу. Раненый был уложен в лодку и перевезен на другой берег. Через полчаса все благополучно достигли своей части. Жизнь раненого была спасена.

Пренебрегая опасностью, рискуя жизнью, Александр Ходарченко всегда бросался в самую гущу боя и выносил из-под огня раненых. Часто случалось, что раненые находились в нескольких десятках метров от немецких солдат, но это не останавливало отважного санинструктора.

Однажды разведывательная рота во главе с лейтенантом Кухаренко вела разведку боем. Противник бесновался, вводя в бой все новые и новые огневые точки. Но необходимо было выяснить расположение и количество всех огневых средств, устройство всей оборонительной цепи, поэтому лейтенант Кухаренко продолжал вести бой. Появились раненые, нужно было